

Ночь.

Страна Ли, Тяньинь.

Пришедшая в упадок городская стена обросла зелёным мхом. В лёгком дыхании ветра чувствовался аромат наступившей весны. Сейчас, когда цветущий город Тяньинь окутала глубокая ночь, в воздухе, помимо громкого, словно раскат грома, потрескивания дров, что были брошены в костёр, разносился едва уловимый запах молодой полевой травы.

«Государь, закончили читать письмо?» — сидевший на камнях, что располагались у края дороги, Сы Цян свесил прекрасные ноги и, наклонив набок голову, задумчиво смотрел на неподалёку разбитую императорскую палатку.

Прошедшая почти пятьдесят лет назад война наложила на этот маленький город тяжёлый отпечаток. Во мраке, среди росшей вокруг сорной травы и тянувшихся поперёк безлюдных развалин, выделялись взявшиеся из ниоткуда несколько крайне величественных и великолепных императорских палаток, олицетворяющих страну Ли.

В ярком пламени, залившем красным заревом половину пространства, безэмоциональная и хорошо обученная охрана с мечами наперевес, окружив лагерь Его Величества императора Ли, совершенно не вписывалась[1] в пейзаж заброшенных городских руин.

Эта вся неразумность совершалась лишь ради завоевавшего высокую репутацию князя Мина из Силэй. Вероятно, именно те, кому покровительствуют Небеса, обладают огромным счастьем; по слухам, его безумно любит император Силэй и уважает силэйский народ, его отец является знаменитым на весь мир мастером меча, к тому же он имеет огромное состояние, и даже его враги испытывали к нему, князю, необычайное уважение и влечение; опять-таки говорят, что император Ли уже однажды любой ценой хотел заполучить его, однако последний без какой-либо грусти сбежал от Его Величества.

Князь Мин, в Ваших руках множество вещей... каких только хотите, на что обратили внимание и не держали в мыслях[2], духи из-за чрезмерной любви даровали всё Вам. Даже находясь в далёкой стране Тун, заставили отважного правителя Ли со своей свитой, не обращая внимания на какие-либо мирские дела и бросив столицу с роскошным[3] императорским дворцом, загореться крайне важным делом — ради Вас добровольно[4] явиться сюда, выжидая в таком безлюдном городке.

Изредка проносящийся ветерок заставлял проросшую молодую травку дрожать с лёгким шелестом.

Сы Цян, подняв руку, смахнул со лба чёрную прядь волос, которая от порыва ветерка щекотала кожу, и, словно понимая: нельзя показывать то, что на сердце, с оглядкой опустил густые ресницы, не позволяя кому-либо разглядеть истинные чувства, ясно читавшиеся на лице.

Но на самом деле в этом не было никакой нужды, так как находящиеся на привале солдаты сейчас, устроившись вокруг костра, наслаждались этой крайне редкой беззаботностью. Нёсшие караул охранники и глазом косо не смотрели[5]; сопровождающие от самых ворот императорского дворца служанки, что постоянно ездили с Его Величеством, хлопотали, выполняя отданное господином поручение, при этом боясь совершить даже малейшую ошибку, которая могла бы разгневать императора Ли.

Ни у кого не было времени обращать внимание на этого красивого мальчика. Хотя на протяжении всего пути он являлся единственным юношей, заботящимся каждую ночь о государе, вот только все приближённые слуги прекрасно знали методы императора Ли, для которого совокупление являлось своего рода демонстрацией влечения, что же касается тела, куда мог бы излиться Жо Янь, то оно было ничем иным, как красивой утварью, потому очередной любовник Его Величества совершенно не заслуживал того, чтобы перед ним заискивали либо чем-то угождали.

Прежний хозяин говорил: «Как только сыщешь расположение знати и всецело завладеешь их чувствами, то можешь делать всё, что заблагорассудится, получая всё, чего не пожелаешь». Но увы, данное правило совершенно не работало по отношению к императору Ли.

Сы Цян слегка вздохнул и, не сдержавшись, вновь обернулся и оцепенело посмотрел на заострённые пики, украшавшие верхушку императорской палатки. Они были сделаны из золота и демонстрировали императорскую власть в Ли, языки пламени отражались в этом «украшении», то и дело озаряя ночное небо лучами красно-золотого цвета.

— Господин Сы Цян, государь Вас зовёт, — донёсся позади учтиво-холодный голос.

Отозвавшись «слушаюсь», Сы Цян спрыгнул с камня и спешно направился к палатке императора Ли. Стоящий снаружи слуга открыл для него висевшую на входе занавеску: внутри палатки, которая была сплошь украшена вытканными из атласа коврами, всё кричало о том, что подобной роскошью мог наслаждаться только император.

— Государь, Сы Цян пришёл, — пройдя вперёд, юноша учтиво опустился на колени и, кротко припав к земле, спокойно ожидал дальнейших указаний Его Величества.

Где-то над головой прозвучало холодное: «Подойди». Мило отозвавшись: «Слушаюсь!», Сы Цян передвинулся не больше, чем на чи к ногам хитроумного чёрствого мужчины.

Повсюду в палатке горели свечи. Чужбина никогда не сравнится с императорским дворцом, более того, во время путешествий место, где придётся проживать такому благородному[6] мужу, как император, будет выполнять функции кабинета, где можно урегулировать государственные дела, а также служить местом отдыха без надобности каких-либо других отдельных комнат.

По всему пространству, находящемуся перед входом, был расстелен палас, на котором лежали бесценные переписки и различные свитки, кроме того, на столике стояла отборная посуда,

наполненная едой, позади лежало любимое оружие императора Ли, а за ширмой, на створках которой красовалась пара выгравированных драконов, что обвились вокруг своих голов, располагалась под опущенным пологом с кистями мягкая постель, неподалёку от неё находилась горящая курильница — именно здесь отводилось место для спокойного сна императора Ли.

Жо Янь, подозревая Сы Цяна, казалось, совершенно не планировал отдавать дальнейших указаний, а, наоборот, по-прежнему читал письмо, что находилось в руках, и не обращал внимания на приблизившегося к нему наложника.

Взглядом бездонных глаз мужчина молча окинул изложенную в письме новость, и, напоминая своей неподвижностью крутую гору, император Ли источал могущество, подавляя все чувства у несчастного юноши, да так, что последний не в силах был даже помыслить о том, чтобы как-то помешать Его Величеству.

Стоя на коленях подле Жо Яня, Сы Цян тихо поднял взгляд и посмотрел на пропитанные мужеством и властностью черты лица мужчины. Перед тем, как стать подарком, его обучали безошибочно прислушиваться к речам и вчитываться в лица, однако мысли императора Ли и впрямь было слишком сложно предугадать.

Наполненное строгостью лицо, казалось, вечно таило шелковинку порочности и загадочности[7] и заставляло сердце трепетать, в простом выражении лица скрывалась неограниченная глубина, вызывая в душе смутное опасение и заставляя вынужденно покориться, преклонившись перед Его Величеством.

Бросив спешный взгляд на письмо в руках императора Ли, Сы Цян потупил взор, принимая смиренный вид.

В этом письме новости о князе Мине.

В мыслях всплыла внешность гонца, который в прошлый раз принёс такое же послание, посвящённое как раз Его Светлости. Неизвестно, хорошая была весть или, наоборот, плохая...

Смирненно опустившись, но при этом продолжая стоять на коленях, Сы Цян чувствовал тягостное давление от молчания возвышающегося над головой императора Ли, и чем больше он предавался мыслям, тем больше их становилось.

Хорошая новость? Если же так, то государь крайне обрадуется, что скажется очень благотворно на Сы Цяне. Государь станет ласковым, во время проникновения будет несколько искусен, тем самым смягчит боль, и хоть во время соития всё равно проявит жестокость, но в конце дарует ощущение, что получил удовольствие, а не равнодушно изольется, выместив злость. А иногда может даже, томно улыбаясь, кончиком пальца подразнить чувственное тело Сы Цяна. И очень редко — даже поцеловать, позволяя Сы Цяну впасть в экстаз, да так, что юноша, не выдержав, станет возбуждённо всхлипывать. Но подобное поведение может означать, что именно сейчас с ним страстно желающий заполучить князя Мина государь.

Вскоре заветное желание исполнится...

В один миг грусть, охватившая душу, сдавила горло, и Сы Цян внезапно стал кончиком пальца царапать ворс дорогого ковра.

А если плохие новости... Ну и славно...

— Ха! — раздавшийся над головой нечаянный хохот слегка испугал Сы Цяна, который сейчас то и дело бросался от одной мысли к другой. Грубый палец, коснувшись, поднял его подбородок, вынуждая встретиться с задумчивым взглядом чёрных глаз. — Находясь подле этого императора, неожиданно научился отвлекаться?

Испуганный Сы Цян, осознав сказанное, пришёл в смятение:

— Сы Цян... Сы Цян не осмелится...

Наложник думал продолжать просить прощения, но внезапно сильные руки обвили тело, и он невольно оказался в объятиях императора Ли. Тепло, исходящее от Его Величества, окутало с головой хрупкое тело Сы Цяна, казалось, Жо Янь настолько горячий, что мог обжечь своим огнём; облачённая в одеяние спина прижалась к крепкой, подобно стене, груди императора Ли.

Юноша не только не посмел, но и не желал шевелиться.

— Хочешь взглянуть? — И письмо, о содержании которого Сы Цян долгое время догадывался, сейчас, когда сильные руки с двух сторон вольно обвили его тело, появилось перед глазами.

Хоть любопытство одолевало душу, однако Сы Цян, опираясь на природную интуицию, немедля отвернул взгляд и отчаянно замотал головой.

Утробный смех проник в уши:

— А ты, наоборот, смыслённый, знаешь меру, — после этих слов голос изменился. Он по-прежнему звучал приятно, приглушённо, но всё равно каждое слово было пропитано шелковинкой пронзительного холода: — В отличие от некоторых, которые своей наглостью только злят.

Сы Цян, конечно же, испугался, но ещё ничего не успел понять, как император Ли уже отдал приказ:

— Позвать гонца.

Сам посланец, как только приехал — день близился к вечеру — сразу же отошёл попить воды и немного поесть, более того, всё это он проделывал неподалёку от императорской палатки, ожидая, когда его позовёт Его Величество, и потому не смел даже на ли отходить от места своей трапезы. Услышав приказ Жо Яня, мужчина сразу же вошёл.

— Приветствую государя, — опустившись на колени, гонец низко поклонился.

Самый могущественный — имеющий право как казнить, так и миловать — мужчина в Ли величественно[8] сидел впереди, держа в объятиях Сы Цяна, и острым, как у ястреба, взглядом одарил стоящего на коленях гонца:

— Дело о куклах князя Мина, что продавались в Фэнчэн... Как такое могло произойти?

Хоть слуга не смел поднять головы и тщательно изучить выражение лица Его Величества, однако резкий тон ясно дал понять — государь не в духе. Крикнув в душе: «Плохо дело!», посланник с удвоенной осторожностью начал:

— Случившееся в Фэнчэн — дело рук господина Юй Лана. Чтобы поймать отправившихся вместе с князем Мином слуг или самого князя Мина, господин Юй Лан устроил эту западню. Прикинувшись знатью Бэйци, Дун Фэном, господин Юй Лан поднялся на борт корабля рода Сяо, где встретился с князем Мином, к тому же не обнаружив поблизости императора Силэй Жун Тяня. Господин предположил: если Жун Тянь куда-то и направился, то, скорее всего, только в Дунфань, поскольку в последнее время из Дунфань шла весть...

— Этот император знает новости из Дунфань и предполагал, что Жун Тянь, проезжая через Фэнчэн, может встретиться с князем Мином. Этот император понимает — в подобной мысли есть своя правда, — пояснил Жо Янь, прервав речь гонца, и холодно засмеялся. — Для этого императора странно только одно: Юй Лан с семьёю пядями во лбу и способен придумать множество лукавых расчётов, но на этот раз неожиданно воспользовался таким немислимым способом, который может немного запятнать лицо? Этот император хочет, чтобы он как можно скорее поймал князя Мина. Но он потратил столько сил, создавая куклу для утех, да ещё открыто зазывал покупателей, продавая её по всем уголкам страны.

В словах между строк сквозили наполненные гневом мысли, которые звучали только злее:

— По слухам, эта кукла очень похожа на князя Мина, дрянь просто-напросто! Князь Мин является крайне необычной личностью, как можно позволять простолюдинам забавляться с этими игрушками, да ещё сделать объектом плотских фантазий? Разве позволительно такому сброду знать облик и тело князя Мина?

Сидящий в объятиях императора Ли Сы Цян чувствовал, как обвивающие с двух сторон руки ещё сильнее стискивали его хрупкое тело, словно железный обруч, почти ломая кости. Прелестная мордашка изменилась, став хмурой, однако сам юноша, стиснув зубы [9], ни проронил ни слова. Он понимал: государь уже сильно гневается, потому обращать на себя его внимание всё равно, что обжечься, разжигая огонь[10].

— Государю стоит успокоиться. Это чтобы поймать князя Мина, господин Юй Лан устроил западню, вероятно, думал, что может недоглядеть и упустить из виду...

— Поймал в итоге?

— Ик... — Гонец понимал, что охрана его государя крайне лихая, стоит Его Величеству поднять руку — и жизни как не бывало. Невольно вздрогнув, мужчина ещё ниже склонился к земле. — Это... это...

— Говори.

— Господин хоть и не поймал князя Мина из Силэй, но... он поймал одного по имени Ле-эр...

— Этот император поручил ему очень важное дело, а он потратил так много времени, чтобы поймать лишь мелкого мальчишку на побегушках.

Услышав над головой холодный хохот, мужчина до смерти перепугался, однако спустя долгое время осмелился прошептать в ответ:

— Докладываю государю: господин Юй Лан сказал, что этот Ле-эр, хм, хоть и неприметный слуга, но... весьма значимый...

— И чем же он весьма значим?

От заданного ни с того, ни с сего вопроса гонец немного обомлел, не зная, как сообщить.

Голос Жо Яня вновь зазвучал, вырывая мужчину из мыслей:

— По возвращении встретиться с Юй Ланом и передай ему приказ немедля взять этих проклятых кукол и сжечь все до единой; не жалея средств, выкупить все распроданные куклы и также уничтожить. А после все планы по поимке князя Мина обязательно обсуждать с этим императором, ни в коем случае не смея более действовать самовольно.

— Слушаюсь.

— Ещё, — после короткого молчания Жо Янь вновь разомкнул губы, на этот раз тон смягчился, и император Ли беззлобно сказал: — От имени этого императора скажи ему: все его годы скитания, горечь, что ему пришлось отведать, и заслуги перед страной — этот император всё помнит.

— Слушаюсь-слушаюсь... — вздохнув с облегчением, гонец спешно ещё ниже приклонился к

земле. — Этот подчинённый от имени господина Юй Лана благодарит государя за щедрость.

— Что же касается пойманного им мальчишки-слуги, если не хочет убивать, то этот император не настаивает на его смерти, пусть смело оставляет, как нравится, пусть так и забавляется с ним. Но, — слова внезапно стихли, а в воздухе неожиданно почувствовались напряжённость и гнетущее давление, смешанные с угрозой, — он обязательно должен как следует выполнить вверенное ему этим императором дело насчёт князя Мина. Всё запомнил, что сказал этот император?

— Этот подчинённый всё запомнил.

«Угукнув», словно немного удовлетворённый, Жо Янь лениво перевёл взгляд, бросая на пришедшее сегодняшнее письмо и присланную вместе с ним коробочку.

— Что находится в этой коробочке?

На что гонец отозвался:

— Этот подчинённый докладывает императору: в этой коробочке шэньцао[11]. Эта трава крайне ценная — господин Юй Лан специально приказал её отыскать и преподнести государю, чтобы он, после поимки князя Мина, использовал её.

— Шэньцао? — император прищурил глаза, взгляд которых был остр, словно кинжал. — Учитель Ижэнь некогда пытался её разводить, но неоднократно терпел поражение. Это именно она?

— Верно. — Перед тем, как отправиться к государю, гонец неоднократно заучивал самую важную вещь, переданную Юй Ланом, потому сейчас спешно, подражая[12] наставлениям господина, поведал во всех деталях: — Эта трава тонкая, словно маленькая иголочка, при использовании нужно лишь вынуть травинку и ввести в заднюю дырочку, она разожжёт желание, которое будет подобно пожару в степи[13]. Даже самый дерзкий в мире мужчина, не выдержав и двух часов, непременно откроет ротик, жалобно умоляя совокупиться. А во время совокупления ощущения будут несравнимыми, настолько будет хорошо, как небожителю. Самое интересное, если на протяжении двенадцати ночей применять это лекарство на одном своём любовнике, то с того момента любовника сможет удовлетворить только тот, кто применял на нём это лекарство. Ну а действие лекарства никогда не ослабнет.

Обнажив кривую ухмылку, от которой кровь стыла в жилах, император Ли прервал своё молчание:

— То есть, если только к князю Мину применить эту драгоценность, а этому императору нужно будет каждый раз, как князь начнёт жалобно умолять, крепко стиснуть его в своих объятиях, даря наслаждение, а после двенадцатой ночи, благодаря этому лекарству, даже Жун Тянь не сможет больше удовлетворять его?

— Верно. Не только не сможет, но и причинит огромные страдания. Только плоть государя подарит князю Мину истинное наслаждение.

— И впрямь занятная вещица, не удивительно, что зовётся шэньцао. Этот император всё же попробует, и мы посмотрим, действительно ли она так чудесна.

Сы Цяна, который всё это время тихонько слушал их диалог, внезапно пробила холодная дрожь.

Жо Янь склонил голову и крайне ласково, что было редкостью, посмотрел на притихшего в объятиях юношу.

— Сы Цян, чего тебе больше всего хотелось бы в своей жизни?

Юноша, замерев на миг, растерянно покачал головой. На что Жо Янь блёкло спросил:

— Нет на свете человека, у которого бы отсутствовали желания. У каждого есть какая-нибудь заветная мечта, которую он хотел бы претворить в жизнь, и у тебя наверняка тоже.

Вновь испуганный юноша тихо поднял взгляд сверкающих, как капелька лака, чёрных глаз и с осторожностью взглянул на Жо Яня. Поразмыслив довольно длительное время, юноша несмело подтвердил, потерянно качая головой.

Его щедедушность и очаровательный вид очень забавляли, Жо Янь, глядя на юношу, внезапно опустил голову ниже и, горячим воздухом обдав ушко, вобрал в рот подобную жемчужине мочку. Такая ласка была настолько неизведанной ранее, что сердце Сы Цяна пропустило удар, а сам наложник, не смея верить в происходящее, широко распахнул глаза.

Жо Янь, слегка покусывая мочку уха, заговорил, при этом его голос звучал очень соблазнительно, словно одурманивающее снадобье:

— Если ты поторопишься и поможешь этому императору, то этот император немедленно пообещает выполнить любое твоё желание.

«Невозможно, любое желание, такому обещанию... государя действительно стоит поверить? Государь ни в коем случае не нарушит своего слова, особенно данное тому, кто его окружает!»

Напряжённо глядя во все глаза, Сы Цян машинально закусил нижнюю губу, учащённо задышав.

— Так может попробовать? — глубоким голосом спросил Жо Янь, будто Сы Цян, держа ключ, начал открывать большие загадочные ворота перед собой. Он чувствовал, что тело охвачено

дрождью и не понимал, то ли это от волнения, или всё же от страха.

Глубокий вздох сорвался с губ, воздух медленно покинул лёгкие, и юноша наконец-то ощутил, как дрожащее тело немного обмякло, а возникшая шелковинка желания сейчас полностью заслонила постоянно малодушный и застенчивый вид на личике. Сы Цян поднял голову и, посмотрев на Жо Яня, слегка кивнул.

На что император улыбнулся:

— Умница. — Выпустив наложника из рук, мужчина приказал: — Возьми коробочку, и идём внутрь.

Сы Цян повиновался, подойдя и взяв вещицу. Хоть коробка не была маленькой, однако никакого веса не имела. Небольшая часть ценнейшего шёлкового сатина[14], в который была обвёрнута вещь, соскользнула, обнажая замысловато вырезанный угол коробки. Держа подношение Юй Лана, наложник проследовал за Жо Янем за перегородку, где опустился на мягкий матрас, расстеленный на кровати.

Раскрыв голубой шёлк-сатин, юноша открыл коробку, где оказалась маленькая нефритовая шкатулка, распахнув которую, увидел странную травку, что заполняла шкатулку доверху. Трава обладала необычным тёмно-зелёным оттенком, длина её равнялась маленькой иголке, и на ощупь она была такой же острой.

Жо Янь, щепотью достав подношение, лежащее в шкатулке, сказал Сы Цяну:

— Раздевайся.

Глядя на траву в руке Его Величества, наложник немного испугался, но, отбросив строптивость, стиснул зубы и действительно без лишних слов[15] снял одежду.

Жо Янь небрежно махнул рукой, и оставшийся без единой нитки[16] на теле юноша покорно опустился на колени, а затем низко наклонился, поднимая соблазнительно очерченные белые ягодицы.

Пара длинных пальцев, войдя в узкое отверстие, неторопливо стала блуждать и вскоре остановилась, словно найдя свою цель.

— У... — когда лёгкое покалывание коснулось чувствительного места, Сы Цян слегка застонал. Он также догадался: должно быть, та самая колючая трава уколола его изнутри.

Поглаживая его спину, мужчина ласково сказал:

— Если ты будешь умницей и в течение часа не взмолишь о пощаде, все твои мечты осуществляются. Любое твоё желание — о свободе, о любой драгоценности, о самых красивых женщинах и мужчинах на свете — этот император обещает исполнить. Но если ты не сдержишься, то понесёшь наказание, самое страшное. Понял?

Не получивший приказа гонец не посмел уходить, по-прежнему стоя на коленях, как и до этого, и ждал, и слушал жалобные стоны, заставляющие сердце трепетать, которые поначалу едва доносились до уха, но со временем усилились, однако ещё через несколько минут вновь ослабли, пока вовсе не стихли, тем самым давая понять — государь скоро выйдет.

И действительно, вскоре появился опрятно одетый Жо Янь, и, оставляя позади себя лёгкий шлейф развратного запаха, мужчина неторопливо сел на удобный трон.

Окинув взглядом словно застывшего гонца, император Ли обнажил на глубоко запоминающихся чертах лица загадочную улыбку и безразлично бросил:

— Эффект от шэньцао и впрямь удивительный. Вернись и передай Юй Лану: этот император крайне восхищён его преданностью.

— Слушаюсь. Ваш подчинённый обязательно слово в слово передаст господину Юй Лану.

— Заодно возьми эту коробку и верни ему. — И с лёгким стуком мужчина спокойно кинул шкатулку гонцу.

Это заставило слугу удивлённо поднять взгляд и посмотреть на вещицу, что приземлилась перед ним, а после растерянно спросить:

— Государь? Государь хочет сказать, что...

— Этот император понимает, что Юй Лан действует из верности, вот только эта вещица этому императору ни к чему. — Жо Янь медленно поднял уголок губ, расслабил брови и, не скрывая природных высокомерия и холодности, добавил, тихо смеясь: — У этого императора множество способов, чтобы призвать Фэн Мина к покорности и завладеть его телом[17]. Вот только прибегнув к специальным лекарствам, намеренным унижениям и издевательствам, смотреть, как высочайшая драгоценность ломается, словно обычная черепица, разве подобное может вызвать неопишное удовольствие? Верни эту шкатулку Юй Лану и передай, что этот император высоко ценит его подарок. Вот только в его руках эта вещь принесёт куда больше пользы.

— Слушаюсь, слушаюсь.

— Поди прочь.

Стукнувшись об пол головой, гонец взял коробку с «драгоценной» травой и на коленях пополз назад, лишь оказавшись на улице, мужчина осмелился отдышаться. Холодный ветер обдал его мокрую от пота спину.

Ну а император Ли, сидя в своей палатке, обнажил на жестоком и равнодушном лице шелковинку властной, деспотичной и мрачной улыбки, надеясь на будущую встречу с князем Мином из Силэй.

Фэн Мин, в конце концов, настанет день нашей с тобой встречи.

Примечания:

[1] 格格不入 (gégé bù rù) — гэгэбужу — быть совершенно чужим, совершенно не соответствовать, ни в чём не подходить.

[2] Имеется в виду: «что на глаза попало и о чём бы ни подумал».

[3] 金碧辉煌 (jīnbì huīhuáng) — цзинь би хуэйхуан — сверкать золотистым сиянием и ярким блеском; отливать золотом и яшмой; блестящий и великолепный; роскошный.

[4] В оригинале фраза звучит как 心甘情愿 (xīngān qíngyuàn) — синаньцинюань — охотно идти (на что-л.); с готовностью, добровольно, по собственному желанию.

[5] Обр. в знач.: не отвлекаться, не смотреть куда не следует.

[6] В оригинале имеется в виду 尊贵 (zūnguì) — цзунуй — почётный, уважаемый, знатный, благородный.

[7] В оригинале фраза звучит как «высота и глубина совершенно неизмеримы», обр. в знач.: чересчур глубокий, трудно постижимый, весьма заумный, недоступный для понимания.

[8] В оригинале фраза звучит как «могучий конь и золотой меч», обр. величественно, с гордым видом.

[9] Также фраза 咬紧牙关 (yǎo jǐn yá guān) — яоцзиньягуань — может ещё образно означать: принимать твёрдое решение; твёрдо стоять на своём; добиваться всеми силами.

[10] Обр. в знач.: навлечь беду на собственную голову.

[11] 神草 (shén cǎo) можно перевести как «божественная\духовная\чудесная трава», ещё одно название женьшеня.

[12] 依样画葫芦 (yī yàng huà hú lu) — и ян хуа хулу — «рисовать тыкву-горлянку по трафаретному образцу», обр. в знач.: копировать, подражать.

[13] Букв. «искра зажгла степь», распространяться как пожар в степи, мгновенно распространиться повсюду.

[14] Шёлк-сатин — это ткань, которая имеет простой состав, но при этом пользуется огромной популярностью.

[15] В оригинале фраза звучит как «не сказав и двух слов», обр. в знач.: без лишних слов, без возражений.

[16] Обр. абсолютно голый, нагишом.

[17] 心服口服(xīnfú kǒufú) — синьфукоуфу — полностью признавать правоту (кого-л.); целиком и полностью довериться (кому-л.); выразить полное согласие (с кем-л.), а дословно можно перевести как «покорившись, принять внутрь». Более того, 口服(kǒufú) можно перевести как «оральный секс».

<http://bllate.org/book/13377/1190237>